УДК 316.74+316.77

Г.Л. Тульчинский

Социально-политические факторы динамики современного социума: нормативно-ценностный анализ

В развитии социума ключевую роль играет институциональная среда. Однако учет этой роли большей частью сводится к анализу существующих институтов, тогда как особое внимание заслуживает фактор становления и развития институтов. В работе на примере символической политики прослеживается значение интенсивности и регулярности социальной коммуникации, обеспечивающей формирование и развитие институтов.

Ключевые слова: *неоинституционализм, коммуникации, символическая политика, этапы институционализации.*

G. Tulchinsky. Socio-political factors of the dynamics of modern society: normative value analysis

The institutional environment plays a key role in the development of society. However, consideration of the role for the most part limited to the analysis of existing institutions, while special attention should be given factors of formation and development institutions. The example of symbolic politics, the author traces the value of the intensity and regularity of social communication, ensuring the formation and development institutions.

Keywords: *neo-institutionalism, communication, symbolic politics, the stages of institutionalization.*

Новейшая российская история, нынешняя непростая ситуация вызывают жаркие споры относительно перспективы российских реформ, их ориентации, общего вектора развития страны. Звучат пессимистические оценки перспектив развития экономики, обусловленных зависимостью от сырьевой ренты.

© Тульчинский Г.Л., 2016

Преодоление этой зависимости, в свою очередь, предполагает развитие институциональной среды, что упирается в эффект «колеи», «институциональные ловушки» [7]. Иногда даже создается впечатление безысходности, исторического тупика, непреодолимых трудностей и неоднозначных последствий институциональных нововведений, заимствований и т.п.

Целью данной работы является, не претендуя на практические политические рекомендации, показать методологическую несостоятельность такого пессимизма, обусловленного поверхностным пониманием некоторыми, особенно отечественными, авторами сущности институционализма.

Отечественной общественной мысли вообще свойственно искать ответы на вечно актуальный вопрос «что делать?» в модных зарубежных теориях, трактуемых как прямое руководство к действию. И сейчас надежды на руководство к действию для «окончательного решения» связываются с институционализмом. Между тем всячески подчеркиваемый пиетет к концепции неоинституционализма, выделяющей роль институтов в экономической и политической динамике социума, сочетается с упущением отправной точки неоинституционализма, его основного концептуального импульса: главное не столько констатация и описание институтов, сколько процесс их возникновения и развития.

Более того, в обстоятельных работах Д. Асемоглу, Д. Норта, Ю. Хабермаса, Й. Шапиро – разноплановых, но авторитетных в политологическом кругу авторов [13; 14; 20; 22; 1] – на совершенно разном материале, исходя из совершенно разных посылок делается общий вывод о весьма неоднозначной теоретико-методологической ситуации в современной политической науке. Выражается это не только и не столько в дивергенции школ и направлений, формировании самодостаточных «теоретических рамок», сколько в вопиющей слабости прогностики на макро- и микроуровнях. И связаны эти проблемы с доминированием позитивистской установки на описание и количественные методы обработки этих описаний. Те же Д. Норт и

Д. Асемоглу уделили много внимания в своих текстах критике такого подхода[1], который детализирует сложившуюся ситуацию, но не дает объяснения динамикеее развития, факторам этого развития.

В данной работе (с учетом проведенного ранее анализа общих вопросов [17]) предлагается подход к рассмотрению именно факторов динамики институционализации. Ранее была предложена ценностно-нормативная модель социогенеза [19], в которой формирование и развитие социума представлено в пространстве, образованном пересечением двух осей: ценностной и нормативной (институциональной). Причем центральное место на ценностной оси (безопасность – справедливость – свобода) занимает справедливость с ее возможностями акцентировки как в направлении безопасности, так и свободы – в зависимости от ситуации, в которой находится социум [10].

При этом справедливость конкретизируется в нормах, институтах, ее реализующих – неформальных и формальных. В контексте данного рассмотрения именно нормативно-институциональный вектор динамики социума представляет особый интерес.

Взятая как процесс в единстве смыслового и социально-организационного аспектов идей, динамика институционализации предстает осуществляемой в несколько стадий [18]:

1) стадия выработки нового осмысления – характеризуется минимальной степенью организации. Коммуникация участников носит спорадически случайный и во многом личностно-доверительный характер;

2) стадия выработки когерентного понимания (коалиция) – характеризуется несколько большей устойчивостью связей и отношений, выделением группы единомышленников. Избирательность в общении «уплотняет» коммуникацию, хотя само общение носит слаборегламентированный характер.

[1] Подробный обзор этой критики см. [9].

3) стадия парадигмы – общение начинает носить систематический характер семинаров, конференций, переписки, обмена материалами. Выдвигаются лидеры мнений, делаются попытки выработать программные материалы, привлечь СМИ, другие информационные технологии.

4) стадия сплоченной группы (ассоциации) – еще более интенсивная коммуникация концентрируется вокруг целей группы, селекции и интерпретации информации, борьбы за чистоту рядов. Важным моментом на этой стадии являются успех и социальное признание, что обеспечивает престиж и постоянный приток сторонников. Группа начинает доминировать или становится «мятежной», отвергающей ортодоксальные установки. Во втором случае ее активность может оказаться либо тупиковой, либо дать начало новой традиции. По некоторым оценкам, для «прорыва» старой традиции необходима группа около 20 человек, а для создания новой традиции, движения – от 500 до 1000 человек.

5) стадия формализации,когда фиксируется формальная организационная структура, обеспечивающая социальный контроль. Формируется писаный кодекс поведения (устав, положения, должностные инструкции), финансирование, трудоустройство функционеров, стимулирование деятельности профессионалов. Прогрессирующая рутинизация зачастую приводит к формированию нового смыслового сдвига, развитие которого может привести к дальнейшей дивергенции системы, отделению нового движения.

Аналогичные стадии проходит развитие в науке, искусстве, религии, бизнесе. Совсем не обязательно, чтобы каждая указанная стадия институционализации была реализована. Возможна стагнация на каждой из указанных стадий. Далеко не каждой идее удается развиться даже в стадию сплоченной группы, не говоря уже о наиболее развитой стадии формального социального института.

Важно, что смысловой (идейный, неформальный) и социально-организационный (формальный) аспекты институцио-

нализации не противостоят, а взаимодополняют и взаимопровоцируют друг друга. Их динамическая взаимосвязь предстает «историей» формирования и развития соответствующих институтов – от объединения людей, связанных общностью целей, и осмысления к зрелым и разветвленным социальным институтам, в которых эти цели и осмысление закрепляются как социально значимые и нормативные. Они выражают различные стадии зрелости и становления политической деятельности. Развитие институтов предстает динамикой от идей на уровне личностного осмысления к формированию регулируемых нормами и правилами общностей. Тем самым в формировании и развитии социальных политических институтов теснейшим образом оказываются взаимосвязанными не только идейный и социологический, но персонологический, этический и организационный компоненты.

При этом принципиальную роль играет упорядоченная, систематическая коммуникация, ведущая к закреплению традиций – вплоть до их полной институционализации в организационно-правовые формы. Важнейшую роль играют СМИ, которые транслируют, визуализируют нарративы символической политики, погружая их в бытовые ситуации, дискурсию известных узнаваемых людей. В XX столетии к средствам массовой мобилизации общественного сознания добавились спорт, индустрия развлечений.

Обычно символическая политика понимается как деятельность, связанная с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование [11]. В таком понимании действующие социально-политические институты образуют инфраструктуру символической политики – инициируют и организуют ее как часть политического процесса. Однако, с другой стороны, сама символическая политика может способствовать формированию новых институтов, прохождению пути от идеи и далее через общее понимание, формирование сообществ, ассоциаций со своими целями, нормами до организационной институциона-

лизации (структур, организаций, учреждений). За этим процессом стоит коммуникация, ее интенсивность и упорядоченность. Именно этот процесс взаимостимулирования идей, символов, технологий и разных стадий институционализации, единства смыслового и организационного составляет самое интересное и важное не только в практике символической политики, но и в анализе самого этого феномена.

Смещение внимания на коммуникации показывает, что институты выступают не только и не столько акторами коммуникаций или даже результатом коммуникативных процессов, сколько самими процессами устойчивой коммуникации. В этой связи надо подчеркнуть роль в динамике институционализации символической политики [3], которая, как и другие инструменты «мягкой силы» [5], – вплоть до информационных войн – выступают не только как практики манипулирования, но и как метод анализа политических и бизнес-реалий, которые другими методами не ловятся [6].

Примером, иллюстрирующим развиваемый подход, является политический протест. Он интересен именно тем, что в нем задевается нерв институционализации: протест зачастую трактуется как нарушение норм (от мелкого хулиганства до преступления), подлежащее социально-правовому контролю. Примеры у всех перед глазами и на слуху. Между тем трудное, на первый взгляд, отличие хулиганства от протеста подобно отличию социальной девиации (патологии) от творчества: и то, и другое нарушают традиционные представления. Недаром современники зачастую отождествляют их, трактуя творчество или как хулиганство, или проявление психической болезни. Да и образ жизни девиантов и творческой богемы зачастую дает поводы для их сближения. И только со временем становится ясно, что социум имел дело с творчеством, открывшим новые горизонты в науке, искусстве, религии, политике. Специфика таких откровений связана с тем, что они оказываются конструктивными для развития социума, давая ему новые возмож-

ности развития, в отличие от социальных патологий – деструктивных, разрушительных для общества.

Однако сам этот конструктивный характер зачастую открывается не столько самими инициаторами, сколько интерпретациями их действий в публичных коммуникациях, включающих их в публичный дискурс, делая символами перемен, привлекая к ним внимание. Так, в искусстве кирпич, даже старый писсуар становятся шедеврами, будучи выставленными на художественной выставке и интерпретированными кураторами и искусствоведами.

Собственно, любые (если не все!) феномены социальной реальности (события, тексты, изображения, личности, природные объекты и катаклизмы, артефакты культуры etc, etc) могут выступать предметами (и инструментами) символической политики. Таковыми они становятся при двух условиях [16]:

А): они становятся предметом публичного дискурса: обсуждений, дискуссий, интерпретаций в публичном коммуникативном пространстве, прежде всего в медиа. Вне публичного пространства они могут быть предметом спецопераций, кулуарных действий, которые, впрочем, в случае огласки тоже становятся инструментом символической политики;

В): эти обсуждения связаны с решением проблем сегодняшнего дня. В этих спорах и интерпретациях упомянутые феномены социальной реальности связываются с современным контекстом (проблемами, целями).

Условие В) втягивает в символическую политику также прошлое (историю, исторические факты), образы будущего. Искусство, право, наука, включая точные науки, будучи втянутыми в дискуссии о насущных проблемах развития социума, тоже выступают как часть (средства и технологии) символической политики. Такое втягивание не сводится к манипуляции – сама разоблаченная манипуляция становится предметом символической политики.

В этом плане в основе протеста оказывается некое событие, которое дает новостной повод, привлекая внимание обще-

ственности, вовлекая в публичное обсуждение журналистов, специалистов, политиков. Возникают и мобилизуются группы поддержки, сторонников, единомышленников, противников. Так, паблицитный капитал вырастает в символический, делая его в перспективе капиталом политическим. Спектр таких действий чрезвычайно широк: от акционизма группы «Война» П. Павленского – до самосожжения Я. Палаха. Главным фактором, превращающим стрит-арт или самоубийство в политический протест, является резонанс в пространстве публичной коммуникации, чему, кстати, в немалой степени способствуют действия самой власти. Преследуя художников, блогеров, журналистов, власть превращает их в политические фигуры, а то и символы – мучеников политической идеи[1].

Эта практика свойственна не только современности. Хорошо известны примеры В. Чапаева, В. Котовского, наделенные в публичном пространстве политической мотивацией и ставшие политическими символами, мифами исторической памяти общества. Следует только помнить, что возможен и обратный процесс деконструкции политического героя до статуса преступника, как это было в годы «оттепели» и «перестройки» с фигурой И. Сталина.

Помимо прочего главный вывод проведенного рассмотрения – перспективность перехода политологических объяснений от подведения под некую общую категорию к конструктивным, алгоритмическим процессам. Если политик рассуждает о нациях, этносах, классах, врагах, идеях, институтах как о сущностях, то политолог – о том, как эти сущности и концепты возникают, формируются и используются [8]. Но когда политолог говорит о них не как о концептуальных конструктах, а

[1]Показателен в этом плане и социально-психологический анализ формирования мотивации и поведения террористов, показывающий роль групповой и публичной коммуникации, оправдывающей и объясняющей необходимость деструктивного поведения и извращающей социализацию. См. [12].

как об объектах, он переходит на язык политика и публициста и становится таковым.

Конструктивная установка дает синтез нарративов эмпирической фактологии и теории в системе знания, открытой для понимания динамики политического, и шире – исторического процесса [2]. Она полностью соответствует главной идее упомянутых в начале авторитетов неоинституционализма: главное не столько констатация и описание институтов, сколько процесс их возникновения и развития. Заслугой Д. Норта и его сторонников является перенос внимания на то, что в основании формирования институтов лежит именно конструктивная интенциональность: не институты порождают убеждения, а наоборот [4]. Суть понимания процесса социальных изменений (политических, экономических) – в убеждениях и том пути, которым они развиваются [4, p. 22].

В этом плане политическая наука не может ограничиваться позитивистской ориентацией, которая парадоксальна по своей сути: строя свой анализ интенционально, имея намерения в решении проблем, она изгоняет интенциональность из результатов своего анализа, превращая политическую игру воль в каузальные зависимости. Между тем задача состоит именно в учете и раскрытии мотивации политических акторов. Эта принципиальная особенность политической реальности как равнодействующей воль проявляется не только в поведении избирателей, на которое сильное влияние оказывают эмоции, идеологии, предубеждения, но и в принятии решений политическими лидерами [21], в реализации символической политики, других политических технологий, создающих новые институты, в объяснении возникновения которых позитивистская политическая социология в духе «демократического трансфера», «гибридных режимов» оказывается бессильной.

Конструктивистский подход, включая символическую политику, достаточно убедительно выявляет «скрытый схематизм» политических процессов современности, не ограничиваясь констатацией и описанием реальности, а открывая гори-

зонт ее развития, возможности построения образа желаемого, предпочтительного будущего, включая в анализ интенции, мотивации политических сил, их намерения и ресурсы.

В дальнейшем анализе особого внимания заслуживают особенности символической политики в формировании институтов в современном информационном обществе, а также собственно технологий символизации, возможностей использования в таком анализе аппарата, наработанного в семиотических и герменевтических исследованиях.

***

1. Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. N.Y.: Crown Business, 2012.

2. Alker H.R., jr. Political methodology, old and new // A new handbook of political science / ed. by Robert E. Goodin and Hans-Dieter Klingemann. Oxford: Oxford univ. press, 1996. P. 787–799; Galtung J. Essays in methodology. Vol. 1: Methodology and ideology. Copenhagen: Christian Ejlers, 1977, p. 41–71.

3. Edelman M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. Chicago: Markham publ.Co, 1971.

4. Nort D.C. Institutions and the Performance of Economies over Time // Handbook of New Institutional Economics. Berlin, Heidelberg: Springer Verlag, 2008, p.77.

5. Nye J.S., Jr. Soft power. The means of success in world politics. New York, 2004.

6. Tulchinskii G. Information wars as a conflict of interpretations: activating t1he ‘third party’ // Russian Journal of Communication, 2013, Vol.5, No.3, pp. 244–251.

7. Аузан А. «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6.

8. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

9. Заостровцев А.П. О развитии и отсталости. Как экономисты объясняют историю. СПб.: ЕУСПб., 2014.

10. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.

11. Малинова О.Ю. Символическая политика: Контуры проблемного поля // Символическая политика. Вып.1. М.: ИНИОН, 2012. С. 5–17.

12. Мохаддам. Ф.М. Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают, и почему обращаются к насилию. М.: Форум, 2011.

13. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ВШЭ, 2010.

14. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Ин-т Гайдара, 2011.

15. Заостровцев А.П. О развитии и отсталости. Как экономисты объясняют историю? СПб.: ЕУСПб., 2014.

16. Тульчинский Г.Л. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. 2015. № 5. С. 24–33.

17. Тульчинский Г.Л. Политические трансформации в России и современная политическая наука // Неприкосновенный запас. 2014. № 98 (6/2014). С. 95–112.

18. Тульчинский Г.Л. Этапы политической институционализации: от идеи к институту // Политические институты в современном мире. СПб.: Аллегро, 2010. С. 358–360.

19. Тульчинский Г.Л., Камаев А.С. Ценностно-нормативная модель социогенеза как основа политического проектирования и политического маркетинга // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций. М.: РГГУ; ЛЕЛАНД, 2013. Ч.1. С. 100–108.

20. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией: философские статьи. М.: Весь мир, 2011.

21. Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные исследования. М.: Европа, 2011.

22. Шапиро Й. Бегство гуманитарных наук от реальности. М.: ВШЭ, 2011.